

Что, к смерти осужденный столько раз,
Живет в норах, – подобно дикой лани,
От человеческих скрываясь глаз?
Его бы на костре сожгли тотчас,
Когда б могли найти, и в это пламя
Мы, как сообщники, попали б сами.

Покуда, в небеса вперяя взор,
В глуби мы ищем истинного бога,
Тут, на земле, поглотит нас костер».
Цецилия его прервала строго:
«Поверь, тогда лишь стоила бы много
Земная жизнь, исполненная зла,
Когда б она единственной была.

Но есть иная жизнь в ином пределе,
Которая не ведает конца.
Нам к этой жизни, как к блаженной цели,
Путь кажет сын небесного отца,
Благого вседержителя-творца,
Чей дух святой бессмертною душою
От века наделяет все земное

.
Благая и торжественная весть
Принесена на землю божьим сыном.
Что, кроме этой, жизнь иная есть».
«Сестра, – вскричал Тибурций, – ты единым
Не назвала ли бога властелином?
Я понял, что один над нами бог, -
А ты мне говоришь теперь о трех».
Она на это: «Слушай разъясненье:

Как состоит разумный дух людской
Из памяти, ума, воображенья,
Так может быть присущ состав тройной
И божеству, Тибурций дорогой».
Затем ему Цецилья в поученье
Про жизнь Христа, про все его мученья

Поведала, про гибель на кресте:
О том сказала, как людскому роду,
Погрызшему в грехе и суете,
Сын божий вечную предрек свободу.
И вот Тибурций, что впервые сроду
О сыне божьем услышал рассказ,
К Урбану с братом двинулся тотчас.

Урбан, вознесши господу молитву,
Крестил его и рыцарем дал стать,
Всегда готовым на святую битву.
На юношу такая благодать
Тогда сошла, что мог он созерцать
Всечасно ангела; ни на мгновенье
Его не покидало провиденье.